

О.Г. ХАРИТОНОВА*

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА:
МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?¹**

Аннотация. Статья посвящена изучению методологических проблем количественного анализа политических режимов и режимных трансформаций в странах Арабского Востока. Особое внимание уделяется вопросам концептуализации, операционализации и типологизации политических режимов и режимных трансформаций, так как результаты количественного анализа зависят от используемых баз данных. Автор рассмотрел два подхода к операционализации в количественных исследованиях: категоризация и квантификация, предполагающие либо выделение отдельных неупорядоченных категорий, либо измерение с целью линейного распределения по одной оси. Выделены концептуальные проблемы, связанные с разграничением между успешными и неуспешными режимными трансформациями. Среди количественных исследований режимных изменений преобладает структурный подход, в рамках которого анализируются условия и выявляются причинно-следственные связи между контекстуальными переменными и риском режимных изменений. Автор демонстрирует примеры анализа режимных изменений на региональном и страновом уровнях. В статье делается вывод, что использование структурного подхода в количественных исследованиях представляется методологически верным, так как исследователи могут проверить большое число гипотез, однако главным недостатком такого рода исследований является объяснение разных режимных изменений через один набор

* Харитоновна Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00922 А «Арабское государство после “арабской весны”: траектории и динамика политических трансформаций».

неполитических факторов. Количественный анализ факторов «арабской весны», проведенный на основе опросов «Арабского барометра» на уровне индивидов, выявил значимость таких факторов, как высшее образование, трудоустройство, мужской пол, религиозность и молодой возраст. Автор показывает, что данные опросов позволяют проводить количественный анализ с большим числом наблюдений, однако качество исследования напрямую зависит от качества данных.

Ключевые слова: количественные методы; Арабский Восток; «арабская весна»; политический режим; политические трансформации.

Для цитирования: Харитоновна О.Г. Количественный анализ политических режимов в странах Арабского Востока: миссия невыполнима? // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 135–159. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.06>

Количественные исследования нацелены на создание теорий, сформулированных в абстрактных понятиях в результате проверки гипотез о наличии причинно-следственной связи между эмпирически наблюдаемыми переменными. Количественные исследования позволяют относительно быстро провести масштабные кросс-темпоральные глобальные и региональные сравнения, исследовать большие массивы панельных данных, тем самым решив классическую проблему компаративистики «много переменных, мало случаев». Количественные методы используются для подтверждения или опровержения поставленных гипотез и выявления типичных, влиятельных, девиантных, наиболее схожих и наиболее отличных кейсов для последующего качественного анализа.

В данной статье автор делает попытку рассмотреть проблемы операционализации и концептуализации политических режимов и режимных изменений и возможности количественного исследования режимных трансформаций на Арабском Востоке на уровне региона, отдельных стран и индивидов.

Типологизация и операционализация политических режимов

Существует два подхода к операционализации политических режимов в количественных исследованиях: категоризация и квантификация. Категоризация предполагает выделение отдельных неупорядоченных категорий, квантификация – ранжирование или измерение на основе числовых значений с целью линейного рас-

пределения политических режимов по одной оси. Исследователи-количественники могут оперировать как квантифицируемыми, так и качественными переменными, с помощью которых операционализируются типы и подтипы политических режимов.

Подход категоризации, исходя из выбранной типологии (классификации) политических режимов, предполагает разделение всей совокупности политических режимов на отдельные типы. Часто в исследованиях используется дихотомия (авторитаризм – демократия) или трихотомия (авторитаризм – полудемократия – демократия¹). При использовании дихотомии главной проблемой является определение границы между двумя категориями, при использовании трихотомии – еще и концептуализация и операционализация промежуточной категории или гибридного режима. Многие современные политические режимы имеют определенные институциональные атрибуты демократии, но отличаются от устойчивых демократий и не могут считаться полностью демократическими. Недемократические режимы используют такие демократические институты, как политические партии, выборы и парламенты, с целью сохранения режима и противостояния потенциальным угрозам «снизу» и «сверху» [Харитоновна, 2012]. Гибридный режим представляет собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полукротости, полусоревновательности, полурепрессий.

Дэвид Кольтер и Стивен Левицкий в свое время обнаружили «сотни подтипов демократии», в том числе «авторитарную демократию», «неопатримониальную демократию», «протодемократию» [Collier, Levitsky, 1997, p. 431]. С их точки зрения, исследователи используют прилагательные с концептом «демократия», чтобы избежать концептных натяжек и одновременно аналитически дифференцировать новые формы демократии при сохранении валидности самого концепта [Collier, Levitsky, 1997, p. 430]. Однако проблема концептуализации «демократий с прилагательными» заключается не в атрибутивных характеристиках демократии, а в

¹ Другими примерами будут три категории базы данных «Дома свободы» (свободные, полусвободные и несвободные режимы) или проекта «Полити» (демократия, анократия, автократия). Адреса сайтов «Дома свободы» и «Полити» соответственно: Режим доступа: <https://freedomhouse.org/> (дата посещения: 23.10.2020); Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (дата посещения: 23.10.2020).

самом ее концепте, поэтому усеченный концепт «демократия» больше соответствует недемократической понятийной рамке.

По классическому утверждению Барбары Геддес, «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии» [Geddes, 1999, p. 121]. Рассмотрим примеры операционализации авторитарных режимов через категоризацию и определим, насколько они применимы для типологизации режимов на Арабском Востоке. А. Хадениус и Ж. Теорель воздерживаются от экспертных оценок и разделяют монархии, военные и электоральные режимы, причем эти категории не являются взаимоисключающими, хотя примеров военно-монархического типа не было. В качестве отдельных подкатегорий выделяются беспартийные, однопартийные (всего с одной политической партией), многопартийные, повстанческие и их различные сочетания [Hadenius, Teorell, 2007]. Согласно их классификации, режим Ахмеда Хасана аль-Бахра в Ираке считается военным, а режим его преемника Саддама Хусейна – военно-однопартийным.

Барбара Геддес и ее коллеги выделяют однопартийные (Хабиб Бургиба и Зин аль-Абидин Бен Али в Тунисе), военные (Ламин Зеруаль в Алжире), персоналистские (Муаммар Каддафи в Ливии) режимы и различные их сочетания, например военно-однопартийный (Шадли Бенджедид в Алжире), партийно-персоналистский (Ахмед Хасан аль-Бакар в Ираке) или даже военно-персоналистско-однопартийный (Хафез и Башар Асады в Сирии). Отдельно выделяются наследственные монархии [Geddes, Wright, Frantz, 2014, Geddes, Wright, Frantz, 2018].

Рассмотрим отличия между двумя базами данных, так как выбор данных влияет на результаты исследования. Во-первых, отличия заключаются в концептуализации однопартийности. Согласно Геддес, несменяемость и получение партией более 2/3 голосов на выборах свидетельствует об однопартийном режиме. Под расширенное понимание однопартийности попадают формально многопартийные режимы, в которых доминирует одна партия или одна коалиция. Хадениус выделяет отдельные категории, в том числе однопартийные режимы, многопартийные с доминирующей партией и др.

Во-вторых, база Б. Геддес не всегда отражает политические изменения внутри авторитарного режима, в том числе после регулярной смены власти. Режим в Египте от Мохаммеда Нагиба до

Хосни Мубарака классифицируется как непрерывный военно-персоналистско-однопартийный режим. Несмотря на то что все эти годы режим Египта оставался авторитарным, такой подход не учитывает институциональных изменений, в том числе легализацию политических партий, введение многопартийных парламентских и в дальнейшем альтернативных президентских выборов, введение квоты (64 места) в нижней палате для женщин (подробнее о политических реформах в Египте см.: [Masoud, 2011]). Эти новые черты авторитаризма лучше обозначены в базе Хадениуса, который выделяет два типа режима: однопартийный режим партии Арабский социалистический союз и многопартийный режим с доминирующей Национально-демократической партией.

В-третьих, отличие связано с дифференцированием монархических режимов. Геддес считает все ближневосточные монархии чистыми типами, в то время как Хадениус выделяет в качестве подтипа многопартийную монархию (например, в Марокко и Иордании).

В-четвертых, авторы по-разному понимают и операционализируют персонализм. Геддес также выделяет персоналистские режимы, Хадениус и Теорель считают, что персонализм в той или иной степени характерен для всех авторитарных режимов и не выделяют персоналистские режимы в отдельную категорию. В качестве примеров персоналистских режимов в базе Геддес можно назвать режимы Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи и Джоафара Нимейри в Судане. В базе Хадениуса режим Судана классифицируется как военный, Ирака – как военно-однопартийный, Ливии – не категоризирован.

Выделение персоналистских режимов в отдельную категорию осложняется отсутствием общепризнанной концептуализации и операционализации персонализма. Согласно А. Степану и Х. Линцу, до 2011 г. политические режимы в Ливии, Сирии, Йемене, Тунисе и Египте имели некоторые характеристики султанистских режимов, в том числе «высокий уровень коррупции, кумовской капитализм, отношение к экономике как к личной собственности и династическую культивацию преемников» [Stepan, Linz, 2013, p. 27].

В исследовании Геддес в качестве определяющей характеристики персонализма понимается контроль со стороны диктатора над всеми уровнями власти, включая назначение и увольнение всех высокопоставленных чиновников без каких-либо ограничений со стороны других институтов или вето-игроков, в том числе

армии и партии [Geddes, Wright, Franz, 2018]. Для создания индекса персонализма авторы используют восемь бинарных переменных, в том числе создание лидером собственной партии, контроль со стороны лидера над аппаратом безопасности, лояльность как главный фактор назначения на высшие посты и др., причем эти переменные сильно коррелируют между собой (средний индекс корреляции 0.6) [Geddes, Wright, Franz, 2018]. Создание подобных индексов для недемократических режимов требует от исследователя наличия не только экспертных знаний, но и инсайдерской информации вследствие закрытости авторитарных режимов и отсутствия ясного понимания реальных «правил игры» и процесса принятия решений.

В типологиях Геддес и Хадениуса политические режимы не ранжируются и представляют собой отдельные номинальные переменные, поэтому основной методологической проблемой остается концептуализация категорий режимов. Вследствие невозможности упорядочивания этих переменных они включаются в исследования в качестве нескольких независимых фиктивных переменных, одна из которых будет представлять референтную категорию, относительно которой можно сравнивать коэффициенты по другим категориям.

Для проведения количественного анализа необходимо использовать интервальные переменные, поэтому из-за отсутствия индекса демократии-авторитаризма в интервальной шкале политологи по устоявшейся традиции берут порядковые переменные в виде различных порядковых индексов, считая их интервальными переменными. Часто для преодоления минусов отдельных индексов («Дом свободы» акцентирует внимание на гражданских правах, индекс Полити – на политических институтах) может быть использовано среднее значение двух индексов.

Главным преимуществом проекта Полити является выявление тенденций режимных трансформаций в отдельных странах в широкой исторической перспективе и регулярное обновление данных. Индекс «Полити» показывает институциональные изменения внутри недемократических режимов, которые нельзя проследить по другим базам данных. У Геддес нет отличий ни внутри, ни между режимами Египта и Сирии (оба режима отнесены к категории военно-партийно-персоналистских гибридов) на протяжении 30 лет, не отмечены режимные изменения при Хосни Мубараке и

Зине эль-Абидине Бен Али. В базе «Полити», напротив, отражаются основные, но не все¹, институциональные изменения, связанные с рекрутированием главы исполнительной власти, ограничителями исполнительной власти и участием. Согласно «Полити», институциональные реформы Мубарака и Бен Али перевели режимы из категории «автократия» в категорию «анократия». Анократии сочетают формально демократические институты с недемократическими практиками, поэтому являются наименее устойчивыми и наиболее уязвимыми перед различными угрозами, исходящими «снизу» (революция, восстание) и «сверху» (перевороты). Именно в анократиях (Тунис, Египет, Йемен) протестное движение «арабской весны» привело к смене президентов.

Режимные трансформации на Арабском Востоке

Какие методологические проблемы вызывают концептуализация и операционализация режимных изменений в количественных исследованиях? Недемократические политические режимы распадаются в результате гражданских войн, мятежей, переворотов, революций, массовых протестов, реформ и выборов, а также вследствие действий демократически избранных президентов и внешних акторов.

Наиболее изученными типами режимных изменений в количественных исследованиях являются перевороты и гражданские войны, так как эти события происходили достаточно часто, затронули все регионы мира и, на первый взгляд, хорошо операционализируются. Так, перевороты в течение длительного времени были главным инструментом смещения диктаторов, поэтому их приравнивают к регулярной смене власти в авторитарном режиме, не предоставляющем альтернативных возможностей для замены ли-

¹ В Саудовской Аравии в 2006 г. с целью обеспечения «мягкого» перехода власти в случае смерти (или недееспособности) монарха и наследного принца был принят Закон о комитете по принесению клятвы, содействовавший институционализации вопросов, связанных с престолонаследием. Комитет должен был включать в себя живых сыновей короля-основателя Ибн Сауда или представителей их семей [Косач, 2013, 115–116]. Этот шаг институционально изменил единоличное решение монарха на коллегиальное, однако это не нашло отражения в индексе «Полити».

дера. В арабских странах до 2010 г. большинство гражданских диктатур (82,35%) были свергнуты и более половины (52,63%) режимов были установлены в результате военных переворотов (табл. 1). Армия участвовала (индивидуально или в сотрудничестве с политической партией) в захвате власти в 58% случаев режимных изменений, но партии также играли активную роль во многих переворотах (23%) в арабских странах, например, партия Баас в Ираке¹.

Таблица 1

Способы смены власти в арабских странах

	Число наблюдений	%
Семья / внешние акторы	10	26,32
Военный переворот	20	52,63
Восстание, революция, вооруженный конфликт	4	10,53
Мирное восстание, невооруженный конфликт	1	2,63
Другие	3	7,89
Всего	38	100,00

Источник: составлено автором на основе базы Б. Геддес [Geddes, Wright, Frantz, 2018] на подвыборке арабских стран.

Как и в случае с политическими режимами, результаты количественного анализа будут зависеть от операционализации переворотов в используемой базе данных. В литературе отсутствует согласованное определение переворотов, позволяющее отличить перевороты от других способов смены власти. Если определить перевороты как «нелегальную попытку военных и других элит свергнуть действующего лидера» [Powell, Thune, 2011, p. 252], то сложность их операционализации в арабских странах связана с тем, что военные организаторы переворотов зачастую занимают невысокие посты в армейской иерархии, что не позволяет отнести их к правящей элите. Помимо цели свержения монарха, диктатора или всенародно избранного президента перевороты могут ставить перед собой революционные задачи, создавать революционные комитеты, получать широкую массовую поддержку и называть свои действия революциями. Поэтому свержения режимов армией в арабских странах в одних базах данных отнесены к переворотам

¹ Автор использует базу Б. Геддес, в которой все указанные выше революции отнесены к переворотам.

(по способу прихода власти и роли армии), в других – к революциям (по революционному результату). К таким переворотам относятся Июльская революция «Свободных офицеров» в Египте (1952), революция аль-Фатех в Ливии (1969), Майская революции в Судане (1969), революция Рамадана в Ираке (8 февраля 1963 г.), революция 8 марта в Сирии (1963) и др. Чтобы отличить перевороты от революций, некоторые авторы добавляют признаки, относящиеся к тактике проведения переворотов, так как главными преимуществами переворота по сравнению с другими способами свержения режима считается скорость (48 часов), внезапность и минимальное применение насилия.

Дополнительной концептуальной проблемой является разграничение между успешными и неуспешными переворотами. Так как целью переворота является смена действующего режима, успешным будет считаться переворот, приведший к достижению этой цели. Успех переворота не определяется ни свержением авторитарного режима, ни установлением демократии, хотя ряд авторов различают недемократические (ведущие к установлению нового авторитаризма) и демократические (ведущие к демократии) перевороты. Примером демократического переворота является отстранение от власти Мубарака 11 февраля 2011 г., хотя в базе Маршалла это событие не относится к переворотам и классифицируется как «передача власти в результате потери доверия»¹. В арабских странах большинство переворотов были недемократическими, включая переворот в Египте 2013 г., в результате которого был свергнут всенародно избранный президент Мухаммед Мурси.

Таблица 2

Перевороты в арабских странах (1946–2018)

	Число наблюдений	%
Успешный переворот	35	25,36
Неуспешный переворот	45	32,61
Заговор	32	23,19
Обвинение в заговоре	26	18,84
Всего	138	100,00

Источник: составлено автором на основе базы М. и Д. Маршалл².

¹ Marshall M., Marshall D. Coup d'etat Events, 1946–2018. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/> (accessed: 5.08.2020).

² Там же.

Успешный переворот может привести только к смене лидера и высшего эшелона власти и сохранить действующий авторитарный режим, а после неуспешного переворота может последовать отставка лидера и системная трансформация. Успешным в базе Маршалла считается переворот, после которого новый режим удержал власть как минимум один месяц¹. Причины, вызвавшие попытки переворота, независимо от результата могут быть одинаковыми, поэтому неуспешные перевороты не менее важны для изучения динамики политических процессов, однако их сложно изучать в авторитарных режимах. Еще один неизученный сегмент явления относится к заговорам, которые не приводят к попытке переворота. Раскрытые заговоры или предотвращенные перевороты не относятся к неуспешным переворотам, и их редко изучают. В базе Маршалла в период с 1946 по 2018 г. в арабских странах было 45 неуспешных переворотов, 32 раскрытых заговора и 26 случаев обвинений в подготовке переворота (табл. 2). Однако заговоры и обвинения в заговоре в авторитарных режимах изучать еще сложнее, чем неуспешные перевороты. Во-первых, на основе официальной прессы сложно отличить реальный заговор от вымышленного, направленного на устранение нелояльных членов элиты. Во-вторых, в интересах авторитарного режима сокрытие даже реального заговора и неуспешной попытки переворота, так как любое свидетельство раскола режима может поставить под сомнение его легитимность.

В рамках качественного анализа исследователи смогут изучать предпосылки успешных и неуспешных переворотов и тактику успешных, тем самым уменьшая число релевантных наблюдений. В количественные исследования можно включить все четыре категории, таким образом, число наблюдений в арабских странах увеличится с 35 (успешные перевороты) до 138. Учитывая, что многие количественные исследования (логистическая регрессия с зависимой бинарной переменной) в качестве зависимой переменной рассматривают факт события, различия в классификации и операционализации могут привести к разным результатам.

¹ *Marshall M., Marshall D. Coup d'etat Events, 1946–2018.* – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/> (accessed: 5.08.2020).

Факторы режимных трансформаций

Среди количественных исследований режимных изменений в целом и переворотов в частности преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные, хорошо операционализируемые предпосылки, факторы и условия, которые приводят к исследуемому событию. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском режимных изменений. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических, благодаря их простой операционализации. Результатом количественных исследований обычно становится выявление набора объективных социально-экономических условий, делающих вероятным режимные изменения.

Использование структурного подхода в количественных исследованиях представляется методологически верным, так как исследователи могут проверить большое число гипотез, однако у этого подхода есть недостатки. Среди главных – объяснение разных режимных изменений через одни неполитические факторы. Например, нефтяное богатство в разных исследованиях может стать причиной протестных действий, переворотов, гражданских войн или фактором устойчивости авторитаризма [Collier, Hoeffler, 2004; Ross, 2001]. Определенные структурные факторы (неравенство, экономические проблемы) могут вызывать и массовые протестные действия, и попытки переворотов.

М. Росс, количественно и качественно изучая причинно-следственные механизмы связи «нефть – авторитаризм», выделял три эффекта нефти: эффект рантье, эффект репрессий и эффект модернизации. Эффект репрессий означает, что ресурсобеспеченность позволяла действующему лидеру увеличивать расходы на поддержание внутренней безопасности страны и блокировать протестные устремления населения [Ross, 2001]. Это, по его мнению, и обеспечивает стабильность диктатуры в нефтяных арабских странах. Гуссейн и Говард пришли к выводу, что главным объясняющим фактором провала протестов стала ресурсная экономика [Howard, Hussain, 2013]. Согласно М. Россу, после начала «арабской весны» «богатые нефтью страны были более эффективны в отражении попыток по их смещению, и “весна” стала угрозой всего

для одного нефтяного лидера, и только из-за вмешательства НАТО» [Ross, 2011, p. 4].

Кольер и Хоффлер изучили стимулы для насильственной смены режима и продемонстрировали, что мотивы алчности и лишений, свойственные акторам бунтов и гражданских войн, имеются и у организаторов переворотов [Collier, Hoeffler, 2004]. Лишения могут иметь экономический, политический и социальный характер и быть связаны с исключением определенных групп населения, поэтому лишения приводят к восстаниям и гражданским конфликтам. В случае переворота армия будет артикулировать идеи достижения общего блага (свержение неэффективного коррумпированного правителя). При наличии ресурсов мотивы алчности усиливаются, так как после успешного переворота новый лидер получит доступ к ресурсной ренте [Collier, Hoeffler, 2004].

Методологически структурные исследования представляются корректными, так как большое число переворотов в XX в. позволяет исследователям избежать проблемы «слишком много переменных, слишком мало казусов». Однако сложности в концептуализации и операционализации переворотов, в определении успешных и неуспешных переворотов и использование разных данных делают результаты исследований несравнимыми между собой. Некоторые структурные факторы будут не только и не столько условиями события, сколько его результатами, причем часто связь между переменными будет нелинейной параболической, например связь между риском начала режимного изменения и политическим режимом: в группе риска будут гибридные режимы.

Преимуществом количественных исследований считается получение стандартизированных результатов, которые могут быть реплицированы другими исследователями. Если исследовательским вопросом подразумевается вероятность режимного изменения (бинарная зависимая переменная), в данном случае – переворота, используется логистический регрессионный анализ, включающий различные структурные независимые переменные. Реплика автором моделей переворотов на подвыборке арабских стран подтверждает основные теории о влиянии структурных факторов на свержение диктатур (рис. 1). Переменная «ненасильственный протест» имеет отрицательный коэффициент, однако это объясняется отсутствием успешных примеров свержений диктатур в арабском мире «снизу» до 2010 г.

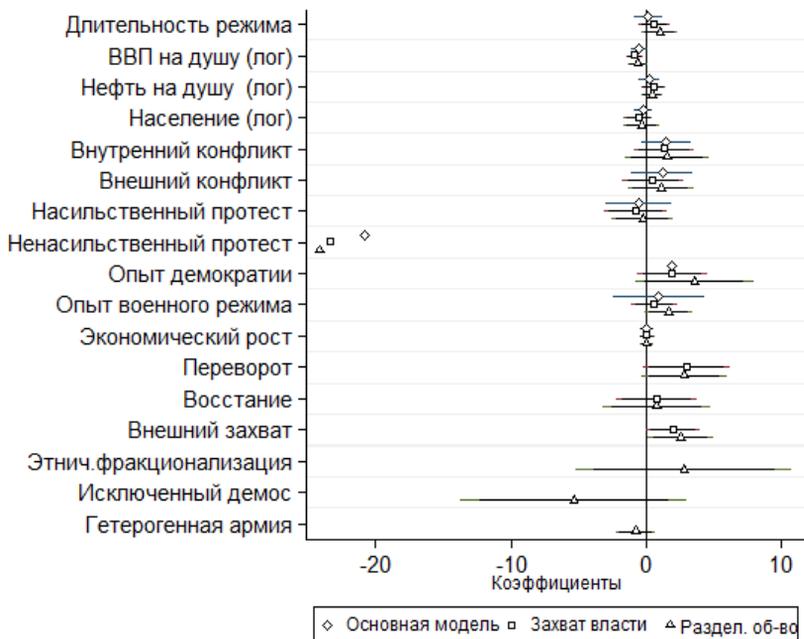

Рис. 1.

Факторы переворотов в диктатурах Арабского Востока

Источник: составлено автором на основе репликации моделей Б. Геддес [Geddes, Wright, Frantz, 2018] на подвыборке арабских стран.

Анализ вероятности переворотов в арабских странах (1945–2010), проведенный автором, подтверждает общемировую тенденцию уменьшения переворотов (рис. 2). Действительно, в арабском мире сокращается число успешных попыток переворотов, все меньше становится военных режимов, и все большее число диктатур распадаются вследствие оппозиционных движений «снизу», получающих легитимацию благодаря широкой поддержке населения. Однако не все подобные свержения режимов являются революциями в классическом понимании, поэтому исследователи говорят о «революциях с прилагательными» как подтипах революций. Использование прилагательных не позволяет решить классическую

проблему компаративистики – «растяжение концепта», когда «объем понятия возрастает за счет размывания содержания» [Сартори, 2003], так как «прилагательные» не позволяют зафиксировать основные признаки концепта. Однако в данном случае проблема, как и в случае «демократии с прилагательными», заключается в самом предикате, так как эти события не являются революциями в классическом понимании.

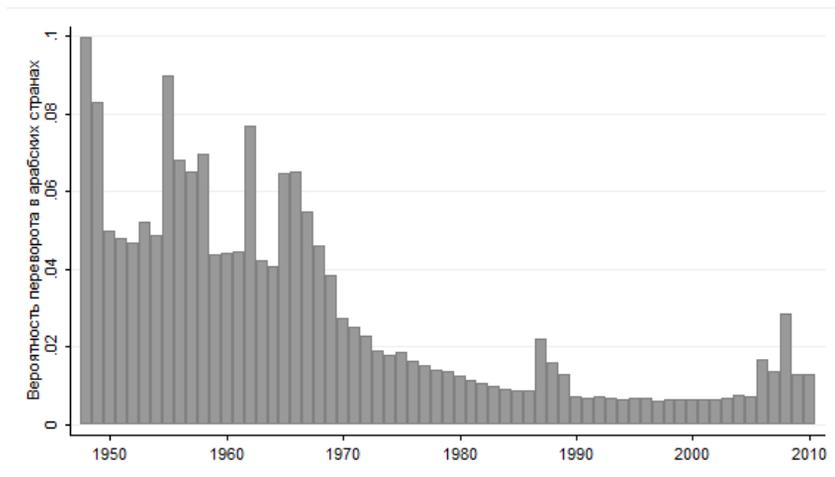

Рис. 2.

Вероятность переворотов на Арабском Востоке

Источник: составлено автором на основе репликации моделей Б. Геддес [Geddes, Wright, Frantz, 2018] на подвыборке арабских стран.

Революции являются еще более редкими событиями, чем перевороты, поэтому при проведении количественных исследований на выборке всех стран мира бинарная зависимая переменная «революция» будет иметь несбалансированные категории, что повлияет на результаты. Это вынуждает исследователей усекавать концепт революции и объединять их с другими событиями, например с распадами авторитаризма или демократизацией. Анализируя события «арабской весны», некоторые авторы говорят об очередной волне демократизации [Howard, Hussain, 2013; Кудряшова, 2015],

концептуализируя волну отлично от классического определения С. Хантингтона.

В протестах «арабской весны» участвовали 8% египтян и 16% тунисцев из более 1200 опрошенных в Египте и 1100 в Тунисе. Однако большинство опрошенных в этих странах определяли свою позицию как оппозиционную Мубараку (78%) и Бен Али (82%). В качестве главных требований протестов они указывали улучшение экономической ситуации (53% в Египте и 63% в Тунисе) и искоренение коррупции (28,88 и 16,89%). Несмотря на то что лишь небольшая часть опрошенных (6,7 и 13,96% соответственно) в качестве цели протестов указала борьбу за гражданские и политические свободы, 92,37% египтян и 80,85% тунисцев отметили, что в результате революции была установлена демократическая политическая система.

С точки зрения М. Росса, «восстания арабской весны демонстрируют универсальный магнетизм демократии» [Ross, 2011, 10]. Однако опросы общественного мнения в арабских странах показывают, что хотя в большинстве своем граждане позитивно относятся к демократии, они связывают демократию с гарантиями социальной справедливости или идеалом мусульманской общины. Даже в Ливане, стране с демократическим опытом, только для 17% респондентов основной характеристикой демократии является смена власти через выборы. Понимание демократии влияет на оценку уровня демократии, поэтому более 40% респондентов в Саудовской Аравии оценивают состояние демократии в своей стране как хорошее (25,43%) или очень хорошее (17,38%) (табл. 3).

В научном дискурсе широко распространено мнение, что ислам несовместим с демократией, так как исламистские движения стремятся к продвижению только радикальных культурных проектов. Количественные исследования факторов демократии демонстрируют, что хотя основными препятствиями для демократии являются бедность, гетерогенность общества и наличие таких ресурсов, как нефть (сверхдоходы замедляют социальные преобразования), фактор ислама имеет значимый отрицательный коэффициент [Fish, 2002].

Таблица 3

Отношение к демократии в арабских странах

	Ливан* (11–12/10)	Алжир (04–05/11)	Тунис (09–10/11)	Йемен (01–04/11)	Египет (06/11)	Саудовская Аравия (01–04/11)	Ирак (02–03/11)
<i>Демократия не соответствует исламскому учению</i>							
Да	27,54	12,83	17,06	23,42	15,59	25,36	24,63
Нет	61,07	55,59	60,2	64,58	75,47	59,26	70,58
Иное	11,39	31,58	22,74	12	8,94	15,39	4,78
<i>Как вы оцениваете состояние демократии и прав человека в вашей стране сейчас</i>							
Хорошо	14,35	8,13	26,5	22,5	57,43	42,81	26,01
Ни хорошо, ни плохо	23,79	56,58	45,32	34	18,54	24,15	33,55
Плохо	60,56	32,32	19,07	37	20,59	22,08	37,20
<i>Самая важная характеристика демократии</i>							
Смена правительства через выборы	17,09	31,66	27,17	41,92	5,74	16,24	32,82
Свобода критиковать правительство	8,94	19,65	11,54	8,50	3,77	17,81	9,00
Сокращение экономического неравенства	10,24	10,53	21,24	8,50	30,93	15,24	8,51
Удовлетворение основных потребностей (пища, жилье и пр.)	21,41	15,71	22,24	12,42	31,99	24,57	15,07
Равенство политических прав	17,74	8,55	10,95	9,42	13,29	14,96	8,43
Искоренение коррупции	24,22	13,82	5,02	17,42	11,81	11,11	26,01
Иное	0,28	0,08	1,83	1,83	2,44	0,07	0,16
Число респондентов ¹	1387	1216	1196	1200	1219	1404	1234

*В скобках указаны месяцы и годы проведения интервью.

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» второй волны¹.

Четверть опрошенных в Ливане, Саудовской Аравии и Ираке разделяют точку зрения, что демократия не соответствует исламскому учению (см. табл. 4). Проблемой для демократии в исламском мире, согласно С. Фишу, является положение женщин в обществе: данные опросов в арабских странах подтверждают тезис о более низком положении женщин в арабском обществе (табл. 4). Женщину в качестве главы государства или правительства готовы видеть чуть более половины опрошенных в Тунисе и Йемене, в Ливане – 81%, в остальных странах – менее 45%. Значительная часть респондентов считают, что высшее образование важнее для

¹ Arab Barometer Wave II (2010–2012). – Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-ii/> (accessed 1.08.2020).

мужчин, и даже в многоконфессиональном Ливане их доля составляет 17%. Менее трети опрошенных согласны с тем, что женщины и мужчины должны иметь равные доли наследства, причем в Египте так считают всего 8%. Согласно С. Фишу, «индивиды, привыкшие к жесткой иерархии в личной жизни, будут наименее склонны отказаться от такой модели власти в политике» [Fish, 2002, p. 30].

Таблица 4

Положение женщин в арабских странах

Согласие с высказыванием	Ливан	Алжир	Тунис	Йемен	Египет	Саудовская Аравия	Ирак
<i>В мусульманской стране женщина может стать премьер-министром или президентом</i>							
Да	81,26	41,86	55,43	52,50	27,31	40,59	44,17
Нет	16,94	55,18	43,06	43,75	72,52	52,35	51,94
Иное	1,8	2,96	1,51	2,75	0,16	7,05	3,89
<i>Получить высшее образование для мужчин важнее, чем для женщин</i>							
Да	17,31	19,73	25,50	34,75	33,3	25,29	25,04
Нет	82,12	77,46	72,49	62,75	66,12	71,65	74,07
Иное	0,58	2,79	2	2,49	0,58	3,07	0,9
<i>Женщины и мужчины должны иметь равные доли наследства</i>							
Да	67,34	24,59	24,75	19	7,79	14,32	28,69
Нет	31,79	69,91	72,74	77,25	91,96	79,77	69,94
Иное	0,86	5,51	2,51	3,75	0,25	5,91	1,38
Число респондентов ¹	1387	1216	1196	1200	1219	1404	1234

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» второй волны¹.

Согласно Альфреду Степану и Грэму Робертсону, мусульманские страны с неарабским большинством имеют показатели по индексу «Полити» в 20 раз лучше, чем страны с арабским большинством [Stepan, Robertson, 2003, p. 32]. Следовательно, при анализе влияния исламской традиции на демократизацию необходимо принимать во внимание различные аспекты состояния мусульманского социума в той или иной арабской стране.

¹ Arab Barometer Wave II (2010–2012). – Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-ii/> (accessed 1.08.2020).

Использование опросов в количественных исследованиях

Количественно исследовать факторы режимных изменений можно на уровне индивидов, так как опросы дают много наблюдений. В качестве примера подобного исследования автор провел логистический анализ факторов протестов на основе данных агентства «Арабский барометр». В качестве зависимой переменной был взят положительный ответ на вопрос о готовности участвовать в протестных действиях (первая волна) и участии в протестах (вторая волна), в качестве независимых структурных переменных использовались пол, возраст, высшее образование, место проживания (город – сельская местность), трудоустройство, уровень дохода семьи и религиозность¹.

Анализ факторов протестов выявил значимость следующих факторов: наличие высшего образования и работы, мужской пол, степень религиозности и молодой возраст. До «арабской весны» (волна 1) к протестным действиям были готовы молодые (18–34 лет), образованные, трудоустроенные и религиозные мужчины. Анализ показывает, что принадлежность к молодежи увеличивает вероятность участия в протестах на 19%, к мужскому полу – на 48% (табл. 5). Анализ показывает, что «арабскую весну» справедливо называют революцией молодежи, так как переменная «возраст от 18 до 34 лет» является значимой и позитивно связанной с готовностью к протестам. В 2011 г. переменные «мужской пол», «высшее образование» и «трудоустройство» сохранили свою значимость и положительные коэффициенты, а переменная «религиозность» стала значимой с отрицательным коэффициентом.

Анализ факторов протестов в Египте и Тунисе (табл. 6) показывает, что к участию в протестах были более готовы молодые, образованные, городские нерелигиозные мужчины. Переменная «религиозность» сохранила отрицательный коэффициент, но утратила значимость, таким образом, несмотря на успех исламистов после «арабской весны», их электорат, скорее всего, не составлял ядро протестующих. Анализ выделил наиболее значимые факторы участия в протестах – пол, возраст, проживание в городе и высшее образование.

¹ Все соответствующие вопросы были перекодированы автором в бинарные переменные.

Таблица 5

Факторы протестного движения

Переменные	Модель 1	Модель 2
Высшее образование	0,329*** (0,0574)	0,298*** (0,0689)
Трудоустройство	0,255*** (0,0575)	0,367*** (0,0685)
Религиозность	0,229** (0,0888)	-0,506*** (0,110)
Пол	0,647*** (0,0578)	0,540*** (0,0690)
Возраст (18–34)	0,206*** (0,0559)	
Возраст		-0,00173 (0,00130)
Доход семьи (USD)		0,0000172 (0,0000141)
Городское население		-0,213*** (0,0636)
Константа	-1,944*** (0,104)	-1,599*** (0,131)
Число наблюдений	7,236	8,723

Стандартные ошибки в скобках

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» первой волны (модель 1) и второй волны (модель 2)¹ Arab Barometer Wave I (2006–2009). Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-i/> (accessed 1.08.2020), Arab Barometer Wave II (2010–2012). Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-ii/> (accessed 1.08.2020).

Базы данных опросов общественного мнения позволяют проводить количественный анализ с большим числом наблюдений, однако качество исследования будет напрямую зависеть от качества данных, поставленных вопросов, методов сбора и кодирования информации. Из-за отсутствия официальной статистики в авторитарных режимах использование вторичных данных сопряжено с определенными трудностями.

¹ Arab Barometer Wave I (2006–2009). Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-i/> (accessed 1.08.2020).

Таблица 6

Факторы протестов в Египте и Тунисе

Переменные	Модель 3 Египет	Модель 4 Тунис
Возраст	-0,0156 (0,00953)	-0,0408*** (0,00748)
Доход семьи (USD)	0,0000696 (0,00098)	0,000142 (0,000125)
Городское население	0,872*** (0,252)	0,433** (0,217)
Религиозность	-0,284 (0,822)	-0,105 (0,209)
Трудоустройство	0,590* (0,316)	-0,0537 (0,196)
Образование (высшее)	1,050*** (0,251)	0,731*** (0,221)
Пол (м)	1,097*** (0,332)	1,820*** (0,227)
Константа	-3,491*** (0,927)	-1,750*** (0,359)
Наблюдений	1,092	1,011

Стандартные ошибки в скобках
 *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» второй волны¹.

Еще одной проблемой использования опросов является фальсификация данных. На основе проведенного симуляционного моделирования совпадений в ответах респондентов Нобл Куриакос и Майкл Роббинс предложили использовать критерий валидности опросов, согласно которому только очень небольшая часть респондентов может одинаково ответить на более чем на 85% вопросов [Kuriakose, Robbins, 2016]. В методологических целях данной статьи автор также проанализировал данные «Арабского барометра», в результате чего подтвердил их валидность (рис. 3).

¹ Arab Barometer Wave II (2010–2012). Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-ii/> (accessed 1.08.2020).

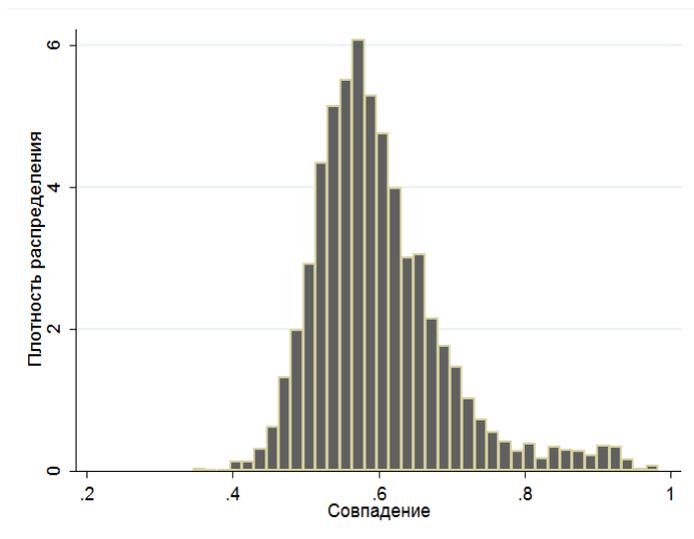

Рис. 3.

Анализ совпадений ответов в «Арабском барометре»

Источник: составлено автором на основе анализа ответов респондентов «Арабского барометра» второй волны¹.

В данной статье автором была сделана попытка изучения возможностей использования количественных методов для анализа режимных трансформаций на Арабском Востоке. В частности, были установлены проблемы операционализации и концептуализации политических режимов и режимных изменений и выявлены некоторые методологические проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при проведении глобальных, региональных и страновых количественных сравнений. Несмотря на очевидные достоинства количественных методов, исследователям приходится решать методологические проблемы как теоретического («концептных натяжек», эквивалентности), так и практического (ограниченность и надежность данных) планов.

В данной статье не предполагалось показать современное состояние количественных исследований, дать исчерпывающую

¹ Arab Barometer Wave II (2010–2012). Mode of access: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-ii/> (accessed 1.08.2020).

характеристику всех достоинств и недостатков количественных методов, выделить наиболее оптимальные способы концептуализации и операционализации политических режимов и режимных изменений или показать универсальные способы решения методологических проблем. Проведенный анализ является частью дискуссии о необходимости соединения количественных методов с качественными, так как, говоря словами Эндрю Лэнга: «Нужно использовать статистику, как пьяный человек использует фонарь, – для поддержки, а не иллюминации» (цит. по: [Oxford essential quotations, 2016]).

Список литературы

- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: власть и религия // Политическая наука. – 2013. – № 2. – С. 100–125.
- Кудряшова И.В.* Кризисы политического развития: арабское измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2015. – № 4. – С. 33–52. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2015-4-33-52>
- Сартори Д.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67–77. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.07>
- Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 9–30.
- Collier D., Levitsky S.* Democracy with adjectives: conceptual innovation in comparative research // World politics. – 1997. – Vol. 49, N 3. – P. 430–451. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0009>
- Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. – Oxford, 2004. – Vol. 56, N 4. – P. 563–595. – DOI: <https://doi.org/10.1093/oep/gpf064>
- Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // Annual Review of Political Science. – 1999. – Vol. 2. – P. 115–144. – DOI: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev.polisci.2.1.115>
- Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic regimes and transitions: a new data set // Perspectives on politics. – 2014. – Vol. 12, N 2. – P. 313–331. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592714000851>
- Geddes B., Wright J., Frantz E.* How dictatorships work: power, personalization, and collapse. – Cambridge : Cambridge university press, 2018. – 270 p.
- Fish S.* Islam and authoritarianism // World politics – 2002. – Vol. 55, N 1. – P. 4–37. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2003.0004>
- Hadenius A., Teorell J.* Pathways from authoritarianism // Journal of democracy. – 2007. – Vol. 18. – N 1. – P. 143–157. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2007.0009>
- Howard P.N., Hussain M.M.* Democracy's fourth wave? Digital media and the Arab spring. – Oxford, NY : Oxford university press, 2013. – 145 p.

- Kuriakose N., Robbins M.* Don't get duped: Fraud through duplication in public opinion surveys // *Statistical journal of the IAOS*. – 2016. – Vol. 32, N 3. – P. 283–291. – DOI: <https://doi.org/10.3233/sji-160978>
- Masoud T.* Egypt // *The Middle East / E. Lust (ed)*. – Washington, DC : CQ Press, 2011. – P. 387–411.
- Oxford essential quotations / S. Ratcliffe (ed). – Oxford university press, 2016. – 4 ed. – Online Version. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191826719.001.0001/q-oro-ed4-00006480> (accessed: 31.08.2020).
- Powell J.M., Thyne C.L.* Global instances of coups from 1950 to 2010 // *Journal of peace research*. – 2011. – Vol. 48, N 2. – P. 249–259. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343310397436>
- Ross M.* Does Oil hinder democracy? // *World politics*. – 2001. – Vol. 53, N 3. – P. 325–361. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0011>
- Ross M.* Will Oil Drown the Arab Spring? Democracy and the Resource Curse // *Foreign affairs*. – 2011. – Vol. 90, N 5. – P. 2–7.
- Stepan A., Linz J.J.* Democratization theory and the “Arab spring” // *Journal of democracy*. – 2013. – Vol. 24, N 2. – P. 15–30. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0032>
- Stepan A., Robertson G.* An “Arab” more than a “Muslim” democracy gap // *Journal of democracy*. – 2003. – Vol. 14, N 3. – P. 30–44. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2003.0064>

O.G. Kharitonova*

Quantitative Research of Political Regimes in the Arab Middle East: Mission Impossible?

Abstract. The article deals with the methodological problems of quantitative studies of political regimes and regime transformations in the Arab Middle East. Special attention is given to the questions of conceptualization, operationalization and typology of political regimes and regime changes since the quantitative research results depend on the datasets used. The article considers two approaches to operationalization, categorization and quantification, which are aimed either at distinguishing of separate unordered categories, or at measuring and linear placement of the observations on the axis. The conceptual problems reviewed include conceptual stretching and operationalization of successful and unsuccessful regime transformations.

The article states that structural approach dominates in the quantitative research of regime changes since the conditions and cause-and-effect relationships between contextual factors and the risk of regime change are studied. The article shows how the regime changes can be quantitatively studied at the global, regional and country levels. The article concludes that the structural approach in quantitative studies is methodol-

* **Kharitonova Oxana**, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.kharitonova@inno.mgimo.ru

ogically correct since a large number of hypotheses can be tested, but the main disadvantage of such studies is the explanation of different political regime changes by the same set of nonpolitical factors. The quantitative analysis of the Arab spring on the basis of Arab Barometer at the level of individuals revealed the significance of the high education, employment, male gender, religiosity and young age. The article shows that survey provide rich data for quantitative research with large numbers of observations, but the quality of the conclusions will depend on the quality of survey data.

Keywords: quantitative method; Arab Middle East; Arab spring; political regime; regime transformations

For citation: Kharitonova O.G. Quantitative research of political regimes in the Arab Middle East: mission impossible? *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 135–159. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.06>

References

- Collier D., Levitsky S. Democracy with adjectives: conceptual innovation in comparative research. *World politics*. 1997, Vol. 49, N 3, P. 430–451. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0009>
- Collier P., Hoeffler A., Greed and grievance in civil war. *Oxford economic papers*. 2004, Vol. 56, N 4, P. 563–595. DOI: <https://doi.org/10.1093/oeq/gpf064>
- Fish S. Islam and Authoritarianism. *World politics*. 2002, Vol. 55, N 1, P. 4–37. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2003.0004>
- Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? *Annual Review of Political Science*. 1999. Vol. 2, P. 115–144. DOI: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev.polisci.2.1.115>
- Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic regimes and transitions: a new data set. *Perspectives on politics*. 2014, Vol. 12, N 2, P. 313–331. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592714000851>
- Geddes B., Wright J., Frantz E. *How dictatorships work: power, personalization, and collapse*. Cambridge : Cambridge university press, 2018, 270 p.
- Haritonova O.G. Undemocratic political regimes. *Political science (RU)*. 2012, N 3, P. 9–30. (In Russ.)
- Hadenius A., Teorell J. Pathways from authoritarianism. *Journal of democracy*. 2007, Vol. 18, N 1, P. 143–157. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2007.0009>
- Howard P.N., Hussain M.M. *Democracy's fourth wave? Digital media and the Arab spring*. Oxford : Oxford university press, 2013, 145 p.
- Kosach G.G. Saudi Arabia: power and religion. *Political science (RU)*. 2013, N 2, P. 100–125. (In Russ.)
- Kudryashova I.V. Political development crisis in the Arab dimension. *RUDN Journal of political science*. 2015, N 4, P. 33–52. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2015-4-33-52> (In Russ.)
- Kuriakose N., Robbins M. Don't get duped: Fraud through duplication in public opinion surveys. *Statistical journal of the IAOS*. 2016, Vol. 32, N 3, P. 283–291. DOI: <https://doi.org/10.3233/sji-160978>

- Masoud T. Egypt. In: Lust E. (ed). The Middle East. Washington, D.C. : CQ Press, 2011, P. 387–411
- Powell J.M., Thyne C.L. Global instances of coups from 1950 to 2010. *Journal of peace research*. 2011, Vol. 48, N 2, P. 249–259. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343310397436>
- Ratcliffe S. (ed). Oxford Essential Quotations (4 ed.). Oxford university press, 2016, Online Version. Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191826719.001.0001/q-oro-ed4-00006480> (accessed 31.08.2020).
- Ross M. Does oil hinder democracy? *World Politics*. 2001, Vol. 53, N 3, P. 325–361. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0011>
- Ross M. Will oil drown the Arab Spring? Democracy and the resource curse. *Foreign affairs*. 2011, Vol. 90, N 5, P. 2–7.
- Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics. *Polis. Political Studies*. 2003, N. 3, P. 67–77. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.07> (In Russ.)
- Stepan A., Linz J.J. Democratization theory and the “Arab spring”. *Journal of democracy*. 2013, Vol. 24, N 2, P. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0032>
- Stepan A., Robertson G. An “Arab” More Than a “Muslim” Democracy Gap. *Journal of democracy*. 2003, Vol. 14, N 3, P. 30–44. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2003.0064>